

ИНСТИТУТЫ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ: ТЕОРИЯ И ЭМПИРИКА (обзор современных исследований)

Тимур НАТХОВ

кандидат экономических наук
доцент кафедры институциональной
экономики ГУ—ВШЭ

Мурат БОРАНУКОВ

студент 4 курса Финансовой Академии
при Правительстве РФ

Оικονομία • Πολιτικά

ΟΙΚΟΝΟΜΙΑ • ΠΟΛΙΤΙΚΑ

Введение

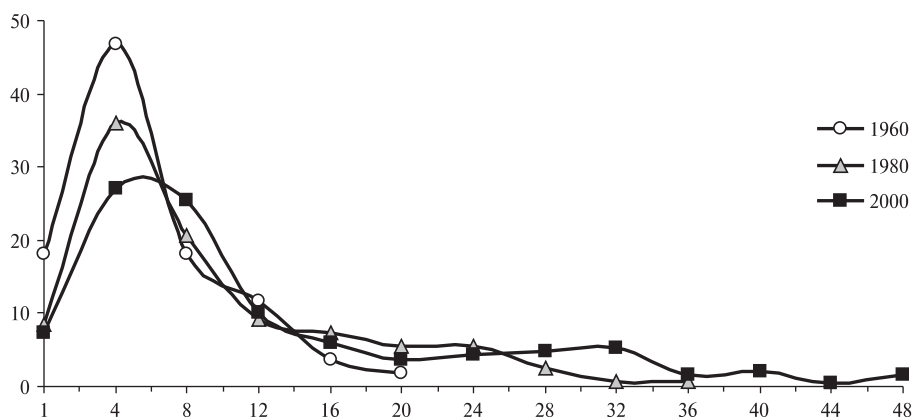
В современном мире наблюдаются большие различия в уровне экономического развития стран и регионов. В последние два десятилетия в экономической науке возрос интерес к объяснению этих различий. Существует несколько гипотез, выявляющих основные факторы экономического развития. Данная статья представляет собой попытку суммировать результаты исследований последних лет, отделить область общепризнанных фактов от предположений и гипотез, которые еще ждут своего подтверждения либо опровержения.

1. Три главных вопроса

Статистические данные показывают, что распределение доходов в мире происходит крайне неравномерно. На рис. 1 представлены данные о распределении ВВП на душу населения (в ценах 2005 года) по 187 странам в 1960, 1980 и 2000 годах. Диаграмма демонстрирует постепенный сдвиг кривых распределения в правую сторону, что отражает рост средних доходов. В 1960 году более 80% стран мира имело средний доход на душу населения меньше 10 тыс. долл. в год. К 2000 году доля таких стран сократилась до 65%.

Средний уровень ВВП на душу населения в мире вырос за этот период с 4 тыс. долл. до более чем 10 тыс. долл. в год. В то же время кривая становится более растянутой по горизонтальной оси, что отражает увеличение степени неравенства.

В таблице представлена описательная статистика ВВП на душу

Источник: данные Penn World Table 6.3 (pwt.econ.upenn.edu).

Рис. 1. Распределение ВВП на душу населения в мире (млн долл.)

Т а б л и ц а

Описательная статистика по ВВП на душу населения
(тыс. долл. 2005 года)

	1960	1980	2000	2007
Среднее	4111	9379	10 865	13 432
Медиана	2575	4883	6025	7749
Стандартное отклонение	3922	13 495	11 896	14 671
Коэффициент вариации	0,95	1,44	1,10	1,09
N	111	164	188	187

Источник: данные Penn World Table 6.3.

населения — самого распространенного показателя экономического развития — по данным *Penn World Table 6.3*. Видно, что стандартное отклонение ВВП на душу населения и коэффициент вариации (отношение стандартного отклонения к среднему) значительно возросли за последние десятилетия. По данным на конец 2007 года¹, средний доход в десяти самых богатых странах превышает средний доход в десяти самых бедных в 85 раз.

Представленные данные выявляют два важных факта: (1) между странами существует значительная разница в среднедушевых доходах; (2) на протяжении последних четырех десятилетий эта разница увеличивается.

Различия в доходах — лишь отражение значительных различий в качестве жизни. Данные международной статистики свидетельствуют о том, что высокий уровень доходов положительно связан с уровнем потребления, продолжительностью жизни, качеством медицины, доступностью образования и другими показателями развития.

На рис. 2 показана взаимосвязь между среднедушевыми доходами и ожидаемой продолжительностью жизни по выборке из 175 стран. Высокий и статистически значимый положительный коэффициент корреляции между этими показателями (0,78) говорит о тесной связи — в странах с более высокими доходами продолжительность жизни выше. Аналогичная связь прослеживается между уровнем развития и многими другими показателями, такими как уровень младенческой смертности (число не доживших до 1 года на 1000 че-

¹ Ближайший год, по которому доступны данные *Penn World Table 6.3*.

ловек населения), доступность образования (доля людей со средним образованием), количеством совершаемых преступлений и др.²

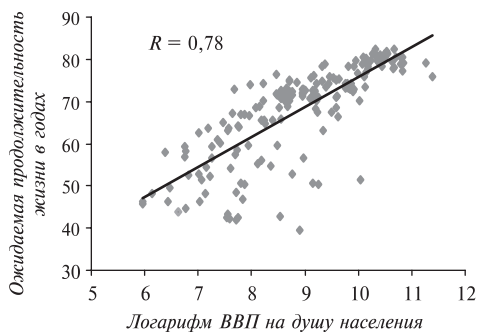
Самое простое объяснение наблюдаемых различий в уровне развития заключается в разнице в темпах роста. Простой арифметический расчет показывает, что если две страны имеют одинаковый исходный уровень доходов и в одной из них ВВП на душу населения ежегодно растет на 2%, а в другой экономический рост отсутствует, то через двадцать лет разница в среднем доходе составит почти полтора раза, а через тридцать пять лет она удвоится. Таким образом, экономический рост является ключом к высоким стандартам качества жизни.

Понятие современного экономического роста ввел в научный оборот американский экономист российского происхождения, лауреат Нобелевской премии Саймон Кузнец, определивший его как долгосрочный процесс, при котором темпы роста производства устойчиво превышают темпы роста населения³. Большинство исследователей датирует начало этого процесса двадцатыми годами XIX века — периодом, последовавшим за наполеоновскими войнами. Есть и иные точки зрения, однако дискуссия о датах не имеет принципиального значения. Очевидно, что резкое ускорение темпов роста душевого ВВП началось в западноевропейских странах на рубеже XVIII и XIX веков и постепенно с разной скоростью распространилось на другие регионы мира.

На рис. 3 показана динамика экономического роста за последние двести лет в укрупненных регионах мира на основании данных исторической статистики Ангуса Мэддисона⁴. Как видно из рисунка, первыми регионами, в которых произошло устойчивое увеличение подушевого дохода, стали Западная Европа и некоторые европейские колонии (США, Канада, Австралия, Новая Зеландия). Ранний старт одних регионов и отставание других привели к драматическим различиям в уровне жизни сегодня. Понимание современных различий в уровне развития требует детального изучения причин, по которым экономический рост начался именно в Западной Европе и именно на рубеже XVIII—XIX веков.

Таким образом, факты ставят перед исследователями экономического роста три основных вопроса:

- (1) Как объяснить существующие различия в уровне развития?
- (2) Почему некоторые страны быстро растут, а другие стагнируют?
- (3) Каковы фундаментальные причины устойчивого экономического роста, который начался около двухсот лет назад в странах Западной Европы?

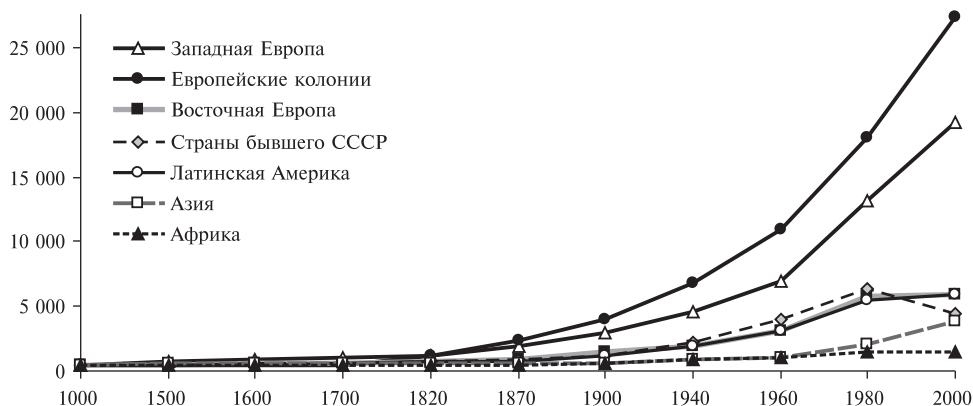
Источники: данные Penn World Table 6.3; World Development Indicators (data.worldbank.org).

Рис. 2. Ожидаемая продолжительность жизни и ВВП на душу населения

² Более того, международные опросы о ценностях (World Values Survey), которые проводятся в нескольких десятках стран с начала 1980-х годов, говорят о том, что многие качественные характеристики сообщества, такие как чувство общей удовлетворенности жизнью, доверие к незнакомым людям, чувство безопасности, положительно коррелируют со средним уровнем доходов в стране.

³ *Kuznets S. Modern Economic Growth: Rate, Structure and Spread. New Haven, 1966.*

⁴ *Maddison A. The World Economy: A Millennial Perspective / Development Center Studies. OECD, Paris, 2001.*

Источник: Maddison A. The World Economy: A Millennial Perspective.

Рис. 3. Динамика ВВП на душу населения по укрупненным регионам мира (долл. США 1990 года)

Как отмечает Д. Асемоглу⁵, эти вопросы, вероятно, являются самым большим вызовом современным наукам об обществе. Ответы на них важны не только для понимания существующих фактов, но и для разработки политики, способствующей экономическому росту.

2. Теории роста: капитал, технологии и производительность

Неоклассическая теория роста говорит о том, что темпы роста экономики определяются накоплением физического капитала и изменением количества рабочей силы⁶. Эмпирическая проверка модели на данных США с 1909 по 1949 год показала, что вклад этих факторов обеспечил лишь около 12% прироста средних доходов за данный период⁷. Большая часть роста объясняется фактором «технического прогресса». Объяснительная сила модели Солоу ограничена предположениями об экзогенности технического прогресса и постоянной норме инвестиций в основной капитал. Тем не менее, несмотря на свою неполноту, эта теория задала удобную систему координат, ориентируясь на которую следующие поколения экономистов развивали и дополняли идеи Солоу.

Важнейшим этапом этого развития стало появление эндогенной теории роста во второй половине 1980-х годов⁸, которая учитывала влияние образования и технологических инноваций в качестве внутреннего (эндогенного) фактора экономического роста. Основной вывод теории состоит в том, что образование и научные исследования, будучи отдельным сектором экономики, производящим новые знания, вносят решающий вклад в повышение производительности и, следовательно, в увеличение богатства народов. Эмпирические исследования подтвердили эти выводы. В своей наиболее известной работе Н. Мэнкью, Д. Ромер и Д. Вэйл провели регрессионный

⁵ Acemoglu D. Introduction to Economic Growth. Princeton University Press, 2009.

⁶ Solow R.M. A Contribution to the Theory of Economic Growth // The Quarterly Journal of Economics. 1956. Vol. 70. No 1. P. 65–94.

⁷ Solow R.M. Technical Change and the Aggregate Production Function // The Review of Economics and Statistics. 1957. Vol. 39. No 3. P. 312–320.

⁸ Romer P. Endogenous Technological Change // The Journal of Political Economy. 1990. Vol. 98. No 5. P. S71–S102; Lucas R. On the Mechanics on Economic Growth // Journal of Monetary Economics. 1988. Vol. 22. P. 3–42.

анализ факторов экономического роста по выборке стран за период с 1960 по 1985 год⁹. Результаты показали, что человеческий капитал, измеренный как доля работников со средним образованием, значительно увеличивает долю объясняемой дисперсии в уровне развития.

Эти результаты, однако, не решили всех вопросов. Оставалось неясным, что именно определяет нормы накопления физического и человеческого капитала, что стимулирует агентов внедрять новые технологии? Теории роста не хватало фундаментальной микроэкономической основы. Как отмечает Уильям Истерли, экономисты часто забывали собственное утверждение о том, что «люди реагируют на стимулы»¹⁰. Пытаясь объяснить функционирование экономики через агрегированные макропоказатели, они упускали из виду поведенческие основы экономической деятельности.

Этот пробел взялась заполнить неинституциональная теория, которая утверждает, что именно стимулы к производственной деятельности и определяющие их «правила игры» в обществе (институты) отвечают за большую часть экономического успеха.

3. Институты имеют значение

Первые теоретические исследования, утверждающие ключевую роль институтов в экономическом развитии, связаны с именем Дугласа Норта. Будучи специалистом по экономической истории, Норт рассматривал экономическое развитие в широком контексте исторических, социальных и политических условий, которые до этого редко привлекали внимание экономистов. В совместной работе с Р. Томасом Норт указывает, что факторы, которые обычно рассматриваются как причины экономического роста (накопление капитала, рост уровня образования, технологические новации и пр.), «не являются причинами роста; они и *есть* рост»¹¹. Фундаментальной основой развития, по мнению авторов, являются экономические институты — прежде всего надежная защита прав собственности и гарантии исполнения контрактов. В отсутствие этих условий у экономических агентов нет стимулов к инвестициям в физический и человеческий капитал, нет желания внедрять новые технологии, нет возможности выходить на новые рынки. Кроме того, недостаточная защита собственности и контрактов создает систему, в которой непродуктивная деятельность (воровство, вымогательство, коррупция и пр.) становится более привлекательной сферой приложения усилий, нежели деятельность продуктивная. Выражаясь экономическим языком, рост начинается там, где чистая норма отдачи от усилий приближается к общественной норме отдачи¹². Основной вывод работы

⁹ Mankiw N.G., Romer D., Weil D.N. A Contribution to the Empirics of Economic Growth // The Quarterly Journal of Economics. 1992. Vol. 107. No 2. P. 407—437.

¹⁰ Easterly W. The Elusive Quest for Growth: Economist's Adventures and Misadventures in the Tropics. MIT Press, 2001.

¹¹ North D., Thomas R. The Rise of Western World: A New Economic History. Cambridge: Cambridge University Press, 1973. P. 7.

¹² Чистая норма отдачи (*private rate of return*) — это сумма экономических выгод, получаемых индивидом от собственных усилий. Общественная норма отдачи (*social rate of return*) — это чистые выгоды общества от тех же усилий. Они могут быть как положительными в случае производительной деятельности (производство товаров и услуг, повышение образовательного уровня, внедрение технологий и т. п.), так и отрицательными в случае непроизводительной деятельности (отъем собственности, обман контрагентов, коррупция и т. п.). Сближение этих показателей означает, что деятельность индивида, приносящая ему экономические выгоды, положительно сказывается на всех членах общества (обладает положительными внешними эффектами). Напротив, деструктивное предпринимательство, повышая благосостояние одного, уменьшает выгоды другого (внешние эффекты отрицательные).

Д. Норта и Р. Томаса состоит в том, что промышленная революция в Западной Европе не была источником современного экономического роста. Она была результатом появления институтов, стимулирующих производительную деятельность. Этот вывод согласуется с исследованиями многих историков, однако экономическая наука требует проверки гипотез на реальных количественных данных.

Резкий рост количественных межстрановых исследований в экономике наблюдается с начала 1990-х годов. Это объясняется как минимум двумя причинами. Во-первых, к этому времени появились сопоставимые статистические данные по большинству стран мира за довольно продолжительный период¹³. Во-вторых, развитие компьютерной техники и появление статистических пакетов анализа данных значительно упростило трудоемкие расчеты.

Одним из первых исследований, где проводится эконометрический анализ влияния институтов на рост, стала работа П. Кифера и С. Нака¹⁴. Авторы проверяют гипотезу «условной конвергенции», суть которой заключается в том, что бедные страны при наличии сильных институтов будут расти быстрее богатых. Основная проблема, с которой сталкиваются исследователи, — проблема измерения качества институтов. В идеале показатели качества должны быть сопоставимы между странами и периодами, измерять одни и те же характеристики институциональной среды и быть максимально объективными. В отсутствие таких данных авторы пользуются измерением страновых рисков, которое проводят частные компании для иностранных инвесторов (наиболее известные — International Country Risk Guide и Business Environmental Risk Intelligence)¹⁵. В число показателей входят:

- риск экспроприации собственности;
- риск аннулирования контракта правительством;
- индекс верховенства закона;
- индекс ограничений для исполнительной власти;
- индекс качества бюрократии;
- индекс коррупции.

В качестве зависимой переменной в уравнении регрессии выступают средние темпы роста подушевого ВВП в стране за период с 1960 по 1989 год. Также авторы вводят контрольные переменные на уровень образования, прирост рабочей силы и разрыв в доходах с лидирующей экономикой — США.

Результаты свидетельствуют, что способность страны обернуть свою «относительную отсталость» в преимущество в виде высоких темпов роста зависит от качества институтов. Если права собственности и контракты защищены плохо, то больший разрыв с лидером будет только снижать темпы роста. Напротив, конвергенция уровней развития, то есть опережающие темпы роста бедной страны по сравнению с богатой, возможна при наличии сильных институтов.

¹³ Достаточно упомянуть данные Всемирного банка, МВФ, историческую статистику Ангуса Мэддисона, а также известную базу данных, созданную в Центре международных сопоставлений Университета Пенсильвании (Penn World Tables). См.: Summers R., Heston A. A New Set of International Comparisons of Real Product and Price Level Estimates for 130 Countries. 1950—1985 // Review of Income and Wealth. 1988. XXXIV. P. 1—26.

¹⁴ Knack S., Keefer P. Why Don't Poor Countries Catch-Up? A Cross-National Test of an Institutional Explanation // Economic Enquiry. 1997. Vol. 35. P. 590—602.

¹⁵ Авторы аргументируют свой выбор простым, но убедительным соображением. Указанные исследования являются коммерческим продуктом, которым пользуются крупные международные компании, принимая решения об инвестициях. Таким образом, они прошли «тест рынка» и вполне могут служить источником информации о состоянии деловой среды в той и иной стране.

Кроме того, авторы проверяют гипотезу обратной связи: экономический рост повышает ценность ресурсов и создает стимулы к установлению прав собственности и улучшению институциональной среды. Проблему обратной причинности, которая является стандартной в эмпирических исследованиях, авторы решают путем различных спецификаций уравнения регрессии. Если бы экономический рост был причиной улучшения институтов, то показатели их качества на конец рассматриваемого периода оказались бы выше в быстрорастущих странах. Этого, однако, не наблюдается — качество институтов на начало периода определяет средние темпы роста в последующие годы¹⁶.

В работе П. Мауро впервые проводится эмпирическая оценка влияния коррупции на экономический рост¹⁷. Автор анализирует связь темпов экономического роста, с одной стороны, и качества бюрократии и уровня коррупции, с другой, на выборке из нескольких десятков стран. Дебаты о причинах и последствиях коррупции в зарубежной политологической литературе сформировали две гипотезы. Согласно первой, коррупция есть результат избыточного регулирования экономики, которое устанавливают властные элиты с целью получения административной ренты. В этом случае коррупция серьезно ограничивает возможности для продуктивного предпринимательства, снижает инвестиционную активность, замедляет внедрение новых продуктов и технологий¹⁸. Согласно второй гипотезе, коррупция может способствовать экономическому развитию, ускоряя бюрократические процедуры и стимулируя чиновников конкурировать за ограниченные ресурсы¹⁹. П. Мауро впервые попытался протестировать эти гипотезы на реальных данных и обнаружил, что показатели коррупции отрицательно коррелируют с темпами экономического роста и уровнем инвестиций. Эта связь устойчива к введению контрольных переменных (доход на душу населения, уровень образования и пр.) и проявляется во всех странах. Улучшение показателей качества бюрократии и снижение уровня коррупции на одно стандартное отклонение ведет к повышению средних темпов роста на 1,3 и 0,8% соответственно. Более того, используя в качестве инструментальной переменной²⁰ коэффициент этнолингвистической неоднородности²¹, автор заключает, что качество бюрократии и уровень коррупции определяют значительную долю вариации в доходах между странами.

¹⁶ Этот способ нельзя считать полностью удовлетворительным с технической точки зрения. Проблема причинности решается в более поздних работах с помощью метода инструментальных переменных.

¹⁷ Mauro P. Corruption and Growth // The Quarterly Journal of Economics. 1995. Vol. 110. No 3. P. 681—712.

¹⁸ Shleifer A., Vishny R. Corruption // The Quarterly Journal of Economics. 1993. Vol. 108. No 3. P. 599—617.

¹⁹ Huntington S. Political Order in Changing Societies. Yale University Press, 1968.

²⁰ Метод инструментальных переменных используется в тех случаях, когда стандартные методы (к примеру, метод наименьших квадратов) дают смещенные и несостоятельные оценки параметров эконометрических уравнений по причине коррелированности объясняющих переменных с остатками модели (проблема эндогенности). Отыскание инструментальных переменных позволяет решить проблему эндогенности, поскольку они некоррелированы с остатками модели, но коррелируют с одной из объясняющих переменных.

²¹ Коэффициент этнолингвистической фракционализации (ELF index) измеряется от 0 до 1 и показывает вероятность того, что два случайно отобранных человека в данной стране принадлежат к разным этнолингвистическим группам. Чем ближе к единице, тем страна этнически более разнородна. Наибольший коэффициент в Анголе, Бангладеш, Индии, Индонезии, Иране. Наименьший в Южной Корее, Японии, Германии, Норвегии. Этот показатель часто используется в эмпирических работах в качестве инструментальной переменной, поскольку является экзогенным (внешним) по отношению к экономике и, как показывают исследования, влияет на экономические результаты только посредством институтов.

В работе Р. Хэлла и Ч. Джонса задается вопрос: почему одни страны производят больше других?²² В отличие от предыдущих работ авторы исследуют не темпы экономического роста за период, а уровень ВВП на душу населения в определенный год. В теоретическом плане их объяснение можно представить следующим образом. Уровень экономического развития страны определяется тремя переменными: (1) инвестиции в физический капитал; (2) инвестиции в человеческий капитал и (3) производительность. В терминах производственной функции Кобба—Дугласа это можно записать следующим образом:

$$Y_i = K_i^\alpha (A_i H_i)^{1-\alpha},$$

где: K_i — запас физического капитала, H_i — запас человеческого капитала (с учетом количества лет образования), A_i — производительность труда, α — норма замещения труда и капитала.

На основе этого подхода авторы проводят декомпозицию ВВП на три составляющие: физический капитал, человеческий капитал и производительность²³. Результаты показывают, что в странах с высоким уровнем производительности — самые высокие доходы на одного работника (коэффициент корреляции между этими показателями 0,89). Доходы на одного работника в пяти самых богатых странах в 31,7 раза выше, чем в пяти самых бедных. Большая часть этих различий объясняется производительностью работников — в отсутствие разницы в производительности доходы первой пятерки стран были бы лишь в 4 раза больше пятерки самых бедных. Таким образом, различия в количестве накопленного физического капитала (зданий, сооружений, оборудования) и человеческого капитала (доля людей со средним образованием) объясняют лишь незначительную долю дисперсии в доходах. Ключевой фактор развития — производительность работника.

Если производительность так важна, то чем она определяется? И что мешает странам ее повышать? Гипотеза авторов состоит в том, что базовым фактором экономического развития является «социальная инфраструктура», или, говоря более формально, набор институтов, которые определяют стимулы к производственной деятельности. Такой подход позволяет отделить непосредственные факторы экономического роста (накопление капитала и производительность) от фундаментальных причин. Схематично подход авторов представлен на рис. 4.

Рис. 4. Факторы различий в уровне производительности

В качестве измерителей качества социальной инфраструктуры авторы используют показатели Country Risk Guide. Два показателя, характеризующих способность государства защищать права собственности от посягательств частных агентов: (1) закон и порядок (2) качество бюрократического аппарата; и три показателя, характеризующих само государство как потенциального нарушителя экономических прав граждан: (1) коррупция, (2) риск экспроприации собственности и (3) риск аннулирования контракта. На основе

²² Hall R., Jones C. Why Do Some Countries Produce So Much More Output Per Worker Than Others // The Quarterly Journal of Economics. 1999. Vol. 114. No 1. P. 83—116.

²³ Важно отметить, что производительность в терминах неоклассической теории роста представляет собой «остатки» модели, то есть часть вариации ВВП на душу населения, которая не объясняется вложениями физического и человеческого капитала.

этих показателей рассчитывается индекс социальной инфраструктуры для каждой страны (по шкале от 0 до 1). Основным результатом состоит в том, что производительность положительно коррелирована с индексом социальной инфраструктуры — увеличение индекса на 0,01 при прочих равных условиях приводит к увеличению производительности работника на 5%.

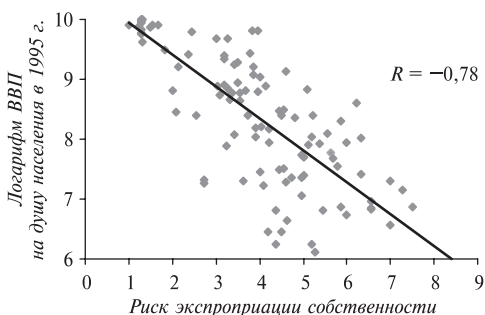
Можно ли в данном случае говорить о причинной связи? Для ответа авторы применяют метод инструментальных переменных, где в качестве инструментов используют показатели расстояния до экватора и процент жителей страны, говорящих на одном из европейских языков. Эти переменные характеризуют географические условия и исторические корни институтов и тесно связаны с показателями социальной инфраструктуры. Анализ свидетельствует, что различия в производительности национальных экономик непосредственно связаны с качеством институтов.

Таким образом, эмпирические исследования показали, что экономический рост зависит от вложений в физический и человеческий капитал и от производительности, с которой используются эти факторы. Успех на всех этих фронтах определяется институциональной средой, где действуют индивиды и фирмы. Стимулы к производственной деятельности, создаваемые институтами защиты прав собственности и контрактов, способствуют вложениям в технологии и образование и, в итоге, повышению производительности каждого работника. Рис. 5 демонстрирует эти выводы по данным 111 стран мира, показывая, что увеличение риска экспроприации собственности (показатель качества институтов по 10-балльной шкале, где увеличение баллов означает увеличение риска) ведет к снижению абсолютного размера ВВП на душу населения.

Если это действительно так, то почему одни общества смогли создать для себя эффективную систему институтов, тогда как другие в этом не преуспели? И почему отстающие не могут скопировать успешные схемы и догнать лидеров? Для ответа на эти вопросы необходимо углубиться в историю и рассмотреть экономическую эволюцию за длительное время.

4. История и эксперименты

Общественные науки отличаются от естественных помимо всего прочего невозможностью чистого экспериментирования. Тем не менее исследователи находят примеры в истории, когда сходные по характеристикам страны («страны-близнецы») адаптируют у себя различные институциональные режимы. Наблюдая за результатами их развития, можно утверждать, что институты действительно ответственны за большую часть различий. Наиболее очевидные примеры — две пары «близнецов»: Северная и Южная Корея и Восточная и Западная Германия. В обоих случаях одна из стран взяла курс на централизованное планирование и коллективную собственность, а другая сделала упор на развитие рынка и частной собственности. Поскольку стар-

Источник: Knack S., Keefer P. Why Don't Poor Countries Catch-Up?

Рис. 5. ВВП на душу населения и риск экспроприации собственности

товые условия и все прочие факторы в данных примерах были практически одинаковыми, то различные итоги развития можно интерпретировать как результат фундаментального влияния институтов. Социологи называют такие примеры «естественными экспериментами в истории»²⁴ и используют их при анализе влияния интересующих их факторов.

Еще один пример естественного эксперимента — колонизация европейцами большей части света в XVI—XIX веках — подробно исследуется в работах Д. Асемоглу, С. Джонсона и Дж.А. Робинсона²⁵. Авторы утверждают, что истоки современных институтов следует искать в истории, и предлагают теорию, объясняющую различия в институциональном развитии европейских колоний. Страны Северной и Южной Америки, Африки и Юго-Восточной Азии серьезно различаются по уровню развития и существующим институтам, но все они в свое время подверглись сильному влиянию европейцев. Европейцы применяли различные стратегии колонизации. На одних территориях были установлены институты изъятия ренты с целью вывоза ресурсов из колоний (например, в Южной Америке и большей части Африки). На других поселенцы закрепили институты защиты прав собственности для защиты имущества и создания стимулов к производственной деятельности (США, Канада, Австралия, Новая Зеландия). Институты закрепились и остались действующими после обретения этими территориями независимости и во многом определяют современное экономическое положение бывших колоний.

Выбор стратегии колонизации был не случайным. Он зависел от двух ключевых параметров: плотности местного населения и смертности европейских поселенцев от инфекционных болезней. В регионах с низкой плотностью местного населения и умеренным климатом европейцы селились сами. Поэтому они были заинтересованы в установлении институтов, которые защищали бы их имущественные права и ограничивали полномочия верховной власти. Напротив, в регионах с высокой плотностью местного населения и опасными болезнями, к которым европейцы не имели иммунитета (в первую очередь такими, как малярия и желтая лихорадка), колонизаторы ограничивались установлением временной военной администрации и осваивали эти территории «вахтовым методом». В этом случае в колонии устанавливались институты изъятия ренты, которые концентрировали экономическую и политическую власть в руках узкого круга лиц («элиты»), ограничивая возможности продуктивной деятельности для большинства населения.

Результатом колонизации стал «разворот фортуны» (*reversal of fortune*) — регионы, наиболее богатые и процветавшие в начале XVI века (Южная Америка, Индия, часть Африки), оказались в числе самых отсталых в конце XX века. Авторы демонстрируют этот факт простым эмпирическим наблюдением — плот-

²⁴ Дж. Даймонд и Д. Робинсон определяют естественный эксперимент как «сравнение — преимущественно с использованием количественных и статистических методов — различных систем, которые одинаковы по большинству параметров, но различаются теми факторами, влияние которых мы хотим изучить». Сфера применения естественных экспериментов не ограничивается общественными науками, а распространяется на все виды знания, где исследователи вынуждены иметь дело с результатами действия интересующих их факторов и не в состоянии самостоятельно манипулировать их влиянием. Примеры таких наук: эволюционная биология, палеонтология, эпидемиология, историческая геология и астрономия (*Diamond J., Robinson J.A. Natural Experiments in History. Harvard University Press, 2010. P. 2*).

²⁵ *Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A. The Colonial Origins of Comparative Development. An Empirical Investigation // The American Economic Review. 2001. Vol. 91. No 5. P. 1369—1401; Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A. Reversal of Fortune: Geography and Institution in the Making of the Modern World Income Distribution // The Quarterly Journal of Economics. 2002. Vol. 117. No 4. P. 1231—1294.*

ность населения в 1500 году²⁶ и ВВП на душу населения в 1995 году в соответствующих странах отрицательно коррелированы с коэффициентом $-0,6$.

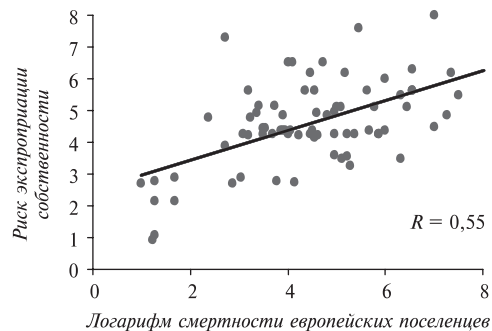
Ключевым фактором такой дивергенции уровней развития в бывших европейских колониях оказались привнесенные европейцами институты, которые, в свою очередь, зависели от географических и демографических условий. На рис. 6 показана взаимосвязь риска экспроприации собственности в 1995 году и смертности европейских поселенцев в начале XVI века по выборке из 75 бывших европейских колоний. В странах с неблагоприятными на сегодняшний день условиями для заселения европейцев наблюдается низкое качество институтов и соответственно низкая производительность экономики.

Если институты являются важным фактором экономического роста, то неизбежно встают новые вопросы. Что определяет их различия в долгосрочном периоде? Каким образом благоприятные для развития институты сформировались в самой Европе? И что препятствует совершенствованию существующих неэффективных правил в развивающихся странах?

5. «Восход Европы»: география, культура или институты?

Истории экономического роста посвящено множество научных работ²⁷. Попытки объяснения того, почему одни страны встали на путь экономического развития, а другие нет, можно свести к трем основным гипотезам: географическое положение, культура и институты. При этом исследователи признают, что столь сложное и многофакторное явление, как экономический рост, трудно объяснить единственной причиной. Задача заключается в том, чтобы выделить комплекс ключевых факторов и выявить механизмы их влияния.

Сторонники географической гипотезы утверждают, что внешние природные факторы (климат, ландшафт, наличие полезных ископаемых и пр.) «ответственны» за различия в уровне производительности. Как мы увидим ниже, некоторые географические особенности страны (такие как наличие выхода к морю) действительно могут серьезно повлиять на траекторию раз-

Источник: Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. The Colonial Origins of Comparative Development. An Empirical Investigation.

Рис. 6. Риск экспроприации собственности (1995 год) и смертность европейских поселенцев (начало XVI века)

²⁶ В отсутствие точных данных о денежных доходах во многих регионах мира наилучшими показателями уровня развития страны являются плотность населения и уровень урбанизации (доля людей, живущих в населенных пунктах численностью более 5 тыс. человек). Согласно Байроху, только общества с высокой производительностью сельскохозяйственного труда и излишками продуктов питания могут поддерживать существование крупных поселений с высокой плотностью в течение продолжительного времени (Bairoch P. Economics and World History. Chicago: University of Chicago Press, 1993).

²⁷ В числе самых известных работы Пола Байроха (Bairoch P. Op. cit.), Фернана Броделя (Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв.: В 3-х т. М.: Весь мир, 2006), Дугласа Норта (North D. Structure and Change in Economic History. N.Y.: W.W. Norton & Co, 1981), Дэвида Лэндиса (Landis D. The Wealth and Poverty of Nations: Why Some Are So Rich and Some So Poor. N.Y.: W.W. Norton & Co, 1988).

вития, однако одного лишь географического фактора не достаточно для объяснения существующих различий в производительности.

Гипотеза «культуры» утверждает, что ценности, верования и предпочтения оказывают сильное влияние на экономическое поведение индивидов. К примеру, отношение людей к богатству, труду, удаче и своему профессиональному назначению во многом определяет их стимулы к производственной деятельности (так, конфуцианство поощряет трудолюбие, а буддизм — нет, и т. д. и т. п.). Одним из первых сторонников этой гипотезы был немецкий социолог Макс Вебер, утверждавший, что церковная Реформация, породившая протестантское движение в христианстве, стала причиной ускорения экономического развития Западной Европы²⁸.

В последние годы многие экономисты проявляют интерес к этой гипотезе. В работе Г. Табеллини²⁹ показано, что уровень доверия между людьми и нормы морали тесно связаны с качеством институтов и уровнем экономического развития. Л. Зингалес с соавторами показывают, что различия в развитии регионов Италии могут объясняться высоким уровнем доверия в северных регионах и низким в южных³⁰. В свою очередь, различия в уровне доверия определяются историческим прошлым — свободное самоуправление городов севера способствовало накоплению социального капитала граждан (доверия, способности к самоорганизации и коллективным действиям). В то время как несколько столетий владычества на юге Италии норманнов, анжуйцев и самое главное — испанцев такую возможность исключили. Общий вывод работ этого направления состоит в том, что культурные нормы формируются в прошлом, устойчивы во времени и тесно связаны с институтами.

Институциональная гипотеза утверждает, что основной фактор долгосрочного роста — это «правила игры» в обществе, создающие рамки поведения для людей. Ключевое отличие институтов от культуры и географии заключается в том, что они легче поддаются изменениям и сознательному проектированию. Поэтому институциональная гипотеза обладает сравнительно большей объяснительной силой в случае феномена «разворота фортуны», многочисленных примеров «экономических чудес» или результатов развития «стран-близнецов» в XX веке. В то же время объяснение «восхода Европы» основано на сочетании упомянутых трех гипотез.

В работе Асемоглу, Джонсона и Робинсона о происхождении институтов прав собственности в Западной Европе указывается, что эффективные институты появлялись преимущественно в тех европейских странах, которые обладали географическим преимуществом выхода к Атлантическому побережью³¹. Наличие длинной береговой линии облегчало устройство торговых портов и развитие морской торговли³². Расширение торговли повлияло на экономическое развитие посредством:

- повышения производительности в результате специализации и разделения труда;

²⁸ Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.: РПЭ, 2006.

²⁹ Tabellini G. Institutions and Culture // Journal of the European Economic Association Papers and Proceedings. 2008. Vol. 6. No 2—3.

³⁰ Zingales L., Guiso L., Sapienza P. Long Term Persistence: Working Paper / University of Chicago. 2007.

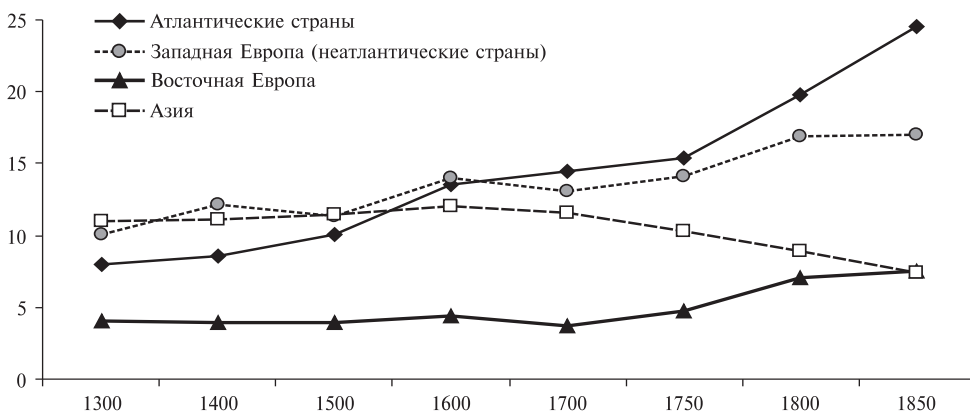
³¹ Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A. The Rise of Europe: Atlantic Trade, Institutional Change and Economic Growth // The American Economic Review. 2005. Vol. 95. No 3. P. 546—579.

³² Р. Камерон отмечает, что перевозка грузов по морю обходилась в несколько десятков раз дешевле на единицу веса, чем по суше в условиях средневековых технологий транспортировки. Поэтому страны с выходом к морю изначально обладали преимуществом в развитии торговли (Камерон Р. Краткая экономическая история. От палеолита до наших дней. М.: РПЭ, 2001).

- обмена технологиями и новыми знаниями между торгующими сторонами;
- возвышения класса торговцев, банкиров и судовладельцев в противовес традиционной аристократии.

Последний фактор, как показывает анализ статистических данных, стал решающим для установления институтов защиты прав собственности. Благодаря выгодам морской торговли богатеее сословие купцов приобрело достаточную экономическую силу, а следовательно, и политическое влияние. Растущий и все более влиятельный предпринимательский класс установил систему сдержек и противовесов для верховной власти — право установления налогов, таможенных пошлин и иных обязательных платежей постепенно перешло от монарха к более широкой коалиции (крупных землевладельцев и торгового сословия), первым прообразам современных парламентов. Наиболее быстрыми темпами этот процесс происходил в Нидерландах и в Великобритании — странах, которые встретили начало эпохи Великих географических открытий с распределенной и более конкурентной политической властью. В Испании, Португалии и отчасти во Франции до начала активной торговли с колониями монархи обладали всей полнотой власти и после географических открытий установили монополию на атлантическую торговлю. Это предопределило сравнительную слабость коммерческого сословия и экономическое отставание этих стран от лидеров — Нидерландов и Великобритании. Рис. 7 показывает динамику уровня урбанизации в 1300—1850 годах по укрупненным регионам мира. Заметно, что доля проживающих в городах начала расти в Западной Европе и особенно сильно в странах, имеющих выход к Атлантическому океану, в конце XVI — начале XVII веков.

Основной вывод работы заключается в том, что атлантическая торговля внесла не только наиболее очевидный прямой вклад в экономическое развитие Западной Европы в виде растущих доходов торгового сословия. Важным косвенным эффектом стало перераспределение политической власти, формирование институтов, которые ограничили всевластие монархов и позволили вовлечь в экономическую деятельность широкие слои населения. При этом страны, в которых к началу эпохи Великих географических открытий политический режим не был абсолютистским, смогли воспользоваться преимуществами атлантической торговли в большей мере, нежели остальные.

Источник: Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. The Rise of Europe: Atlantic Trade, Institutional Change and Economic Growth.

Рис. 7. Уровень урбанизации (взвешенный по численности населения), 1300—1850 годы (%)

6. Выводы для исследователей и практиков

Исследования последних лет показывают, что география, культура и институты являются основными факторами различий в уровне развития стран и регионов. Очевидно, что эти факторы не действуют в изоляции и результат экономического развития определяется их сложным взаимодействием. Современные исследования предлагают использовать комбинацию этих гипотез для объяснения существующих различий.

Д. Норт, Дж. Уоллис и Б. Вейнгаст попытались суммировать достижения последних лет, предложив общую теорию развития социальных систем³³. По их мнению, по способу установления социального порядка все сообщества можно разделить на три основных типа: (1) первобытные (общества охотников и собирателей); (2) общества с закрытым доступом и (3) общества с открытым доступом. В первых порядок поддерживается за счет личных родственных связей. В обществах с закрытым доступом порядок устанавливается государством как организацией, обладающей сравнительными преимуществами в осуществлении насилия. При этом правители имеют преимущественное право на присвоение ренты (в этом и заключается суть «закрытого доступа»). Такой тип организации авторы называют «естественным государством», поскольку он существовал на протяжении большей части писаной истории в большинстве стран мира. В обществах третьего типа порядок поддерживается посредством политической и экономической конкуренции. Он сложился около 300 лет назад примерно в 24 странах мира, и все они являются на данный момент наиболее развитыми в экономическом отношении.

Первобытный социальный порядок не может обеспечить существование сложных организаций. Порядок с ограниченным доступом способен поддерживать сложные организации, но налагает ограничения на их количество. Наконец, порядок с открытым доступом обеспечивает свободный доступ к созданию новых организаций (фирм, ассоциаций и пр.). Импульс развитию дает переход от второго типа социальной организации к третьему. Ключевой вопрос, ответ на который еще предстоит найти, заключается в источнике социальной динамики. А именно — по каким причинам происходит переход от обществ одного типа к обществам другого типа?

С точки зрения практики достижения экономической науки последних лет говорят о том, что успех на пути экономического развития с большей вероятностью будет сопутствовать странам, которые делают акцент на институциональных реформах. Преобразования законов о собственности, создание механизмов защиты контрактов, снижение политических рисков и барьеров входа на рынок для инвесторов могут способствовать высвобождению потенциальной предпринимательской энергии и выходу на траекторию устойчивого экономического роста.

³³ North D., Wallis J., Weingast B. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History // NBER Working Paper. 2006. No 12795.